

Протоиерей Александр Шмеман
Исторический путь Православия

© Библиотека “Благовещение”

Содержание

Предисловие

Глава 1. Начало церкви

Часть 1 Часть 2 Часть 3 Часть 4 Часть 5 Часть 6

Глава 2. Церковь гонимая

Часть 1 Часть 2 Часть 3 Часть 4

Часть 5 Часть 6 Часть 7 Часть 8

Глава 3. Победа христианства

Часть 1 Часть 2 Часть 3 Часть 4 Часть 5

Глава 4. Эпоха вселенских соборов

Часть 1 Часть 2 Часть 3 Часть 4

Часть 5 Часть 6 Часть 7 Часть 8

Глава 5. Византия

Часть 1 Часть 2 Часть 3 Часть 4 Часть 5 Часть 6

Глава 6. Темные века

Часть 1 Часть 2 Часть 3 Часть 4

Глава 7. Русское православие

Часть 1 Часть 2 Часть 3 Часть 4 Часть 5 Часть 6

Послесловие

Предисловие

Эта книга - не история Православной Церкви, еще менее - научное исследование. Писать общую историю на четырехстах страницах значило бы свести ее к одному перечню имен и дат. Читатель найдет здесь как бы комментарий к такой истории с ссылками на главные события, попытку в прошлом различить главное от второстепенного, отметить - хотя бы в основном - вехи длинного исторического пути Православной Церкви. Я не скрываю своей оценки событий, но не считаю ее, конечно, ни сколько-нибудь окончательной, ни исчерпывающей. Мне думается, что раздумье над прошлым, оценка его по совести, безбоязненное приятие исторической правды сейчас особенно необходимы всем тем, для кого Церковь стоит в центре всех стремлений, всех надежд. Свою собственную оценку я понимаю, скорее как вопрос, чем как ответ или “суд”.

В основе этого “обобщения” лежит курс по истории Восточной Церкви, который я читал с 1945 по 1951 г.г. в Православном Богословском Институте в Париже, а последние два года в Св. Владимирской Духовной Академии в Нью-Йорке. Кончая эту книгу, я хочу поблагодарить тех, кто в эти годы были для меня вдохновляющим примером служения Христианской Истине. Прежде всего, моего учителя проф. А. В. Карташова, под руководством которого я начинал изучение церковной истории; моих учителей и коллег в Парижском Богословском Институте; декана Св. Владимирской Академии прот. Г. В.

Флоровского: читатель сам увидит сколь многим я обязан ему. Особенно же хочу назвать имя проф. С. С. Верховского: дружбе и общению с ним я обязан больше, чем могу выразить.

*Прот. А. Шмеман
Нью-Йорк, Март 1953 г.*

Глава 1. Начало церкви

Часть 1

О первых годах, о начальных событиях в истории Церкви рассказано в книге Деяний Апостольских, написанной евангелистом Лукой, как продолжение его же евангелия. В ней описана первая христианская община в Иерусалиме, преследование ее иудейскими властями, проповедь апостолов, особенно - Павла и, наконец, распространение христианства от Иерусалима до Рима. Историческую ценность этого рассказа часто оспаривали и, действительно, с первого взгляда он может показаться далеким от современного понимания задач и методов истории; в нем много умолчаний, пробелов, он иногда представляется скорее истолкованием или схемой, чем простым описанием событий. Но, читая его, нужно помнить, что, подобно евангелиям, содержание которых не исчерпывается жизнеописанием Христа, книга Деяний, по самому своему замыслу также не есть только историческая хроника. Она была написана в годы, когда Церковь, вышедшая из первой стадии своего развития, утвердившаяся во многих больших центрах Римской Империи, уже вполне осознала свое назначение и начинала закреплять и "формулировать" свой первоначальный опыт в письменности, составившей позднее книгу Нового Завета. Из всех новозаветных авторов Лука более других может быть назван историком в нашем понимании этого слова, и все же не на одной истории, не на истории, как таковой, сосредоточено его внимание. Его тема, это - Церковь, как завершение Нового Завета, как исполнение в мире, то есть в человеческом обществе, в истории - дела, совершенного Христом. Не просто история Церкви, а, прежде всего, она сама, ее живой образ, ее сущность, какими раскрылись они в самые первые годы ее существования - вот содержание этого основоположного для церковной истории памятника. Это - первое учение о Церкви, показанное в фактах ее жизни, а потому и из фактов выбраны лишь те, которые служат этой цели, которые существенны для понимания этого учения. Так именно и воспринимали эту книгу все последующие поколения христиан, видевшие в иерусалимской общине, в апостольской проповеди, в жизни и учении Павла образец и мерило церковной жизни на все времена, вдохновляющее начало - источник и основу всей ее дальнейшей истории.

Рассказ Деяний начинается с событий, которые для историка стоят еще только на грани церковной истории: с Вознесения и Пятидесятницы. Но в перспективе Луки в них и заключено начало Церкви, то есть дан тот смысл ее существования, который будет раскрываться в следующих главах.

Маленькая группа учеников, могущая вся поместиться в одной комнате: рыбаки - "простые и неграмотные" по описанию Луки, женщины, несколько родственников и друзей Учителя, вот все "мало стадо", оставшееся после Иисуса Назарея. Что же сделает их бесстрашными проповедниками, доведет до "концов вселенной", покорит их вере величайшую из всех существовавших когда-либо цивилизаций, переродит мир так, что уже никакая сила не изгонит из него образ Того, о Ком они возвестят ему? На первых же страницах своей книги Лука отвечает: сошествие Святого Духа, таинственное перерождение, после которого все то, что сделал, чему учил Иисус, станет их силой и Он Сам будет действовать в Своих последователях и в них пребывать в мире. "Вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и по всей Иудее и Самарии и даже до края земли" (Деян. 1, 8).

О чем же это свидетельство? Здесь, прежде чем начать саму историю Церкви, нельзя не напомнить, конечно, в самых общих чертах, - то евангелие - то есть благовест, которая и составит содержание церковной жизни и христианской проповеди перед лицом мира. В дни своего земного служения Иисус возвещал людям Царство Божие. И смысл Его проповеди и Его дел был тот, что Его пришествие и есть начало Царства, что Сын Божий пришел открыть и дать его людям. Оторванные от Бога грехом, подчинившиеся злу и смерти, потерявшие подлинную жизнь, люди снова могут - через веру во Христа - узнать единого истинного Бога и Его любовь к миру, в соединении с Ним получить новую - праведную, истинную и вечную жизнь, для которой они созданы. Он учил, что мир не принимает этого Царства Божьего потому, что он “во зле лежит”, и тьму возлюбил больше света. И потому Сын Божий принес людям не только истинное учение, не только знание о Царстве, но и спасение. Зло и грех, властвовавшие над людьми, Он победил Собой. Всей Своей жизнью Он явил образ совершенного человека, то есть человека, до конца послушного Богу. И только в этом послушании и этой любви была Его власть и сила, которыми Он прощал грехи, исцелял болезни, воскрешая мертвых. В Себе Самом Он явил Царство Божие, как совершенное соединение с Богом, как силу любви и жертвы Богу и людям. Преданный на позорную смерть, оставленный всеми, Он осуществил образ полной самоотдачи, совершенной любви, последнего смирения. Но в этой самоотдаче и была Его победа над злом и грехом: любовь восторжествовала над ненавистью, истина над ложью и, наконец, Жизнь над Смертью: Бог воскресил Его из мертвых. Все зло мира, вся сила распада, царствующие в нем, оказались бессильными перед этой Праведностью и в одном Человеке были побеждены. В одном Человеке в царство греха и смерти вошло Царство Бога - царство любви, добра и вечной жизни. Но эту победу Он одержал не для себя, а для других, для всех - чтобы всех спасти и ввести в это, осуществленное Им, Царство. И потому с самого начала Он избрал двенадцать свидетелей, чтобы Они были с Ним, слышали Его учение, видели Его дела, Его смерть, воскресение и прославление. И в ночь, когда путем крестной смерти Он входил в Свою славу, Он им *заповедал Царство*: Он обещал по своем прославлении Свою силу дать им, чтобы то, что сделал Он один, стало достоянием всех, чтобы они могли не только поведать о Нем людям, но и приводить их к Нему, соединять с Ним и делать участниками Его Царства.

Таково было обещание и оно было исполнено в день Пятидесятницы. В этот день маленькая группа учеников получила силу свидетельства; свидетельства не только о жизни и чудесах Учителя, но о том, что Он есть Спаситель, Царь и Господь мира. Для них - это свидетельство или доказательство есть Церковь, в которой Он продолжает жить, в которой, руками учеников, осуществляет свою власть и силу, в которой Его жизнь становится новой жизнью, всех верующих в Него. Сошествие Святого Духа означает все это, из “малого стада” оно делает Церковь.

Это совершилось в Иерусалиме. Между тем из Евангелия мы знаем, что апостолы были Галилеяне, то есть жители северной части Палестины, и что именно там они в первый раз увидели Воскресшего Господа. Но Лука особенно подчеркивает слова Спасителя: “Вы не отлучайтесь из Иерусалима, но ждите обещанного от Отца, о чем вы слышали от Меня”. Начало Церкви - таков смысл этих слов - должно быть положено в Иерусалиме и для понимания церковной истории это важно отметить. Иерусалим был средоточием всех религиозно-национальных чаяний евреев, сердцем всей ветхозаветной истории. Овеянный золотой легендой Соломоновой славы, свидетель государственного взлета Израиля в прошлом, он, в годы плена, унижения и рабства, все яснее осознавался как мистический центр Израиля, как святой Сион, где, в таинственный “день Господень”, должен явиться Мессия, чтобы спасти народ Свой и восстановить его царство. И это “мессианское царство” - в видениях пророков - из узко-национальной, политической реставрации преображалось в религиозное обновление мира, в торжество истины и справедливости, а Мессия - в Спасителя

людей от греха и смерти. Поэтому, когда в день Пятидесятницы, на недоумение толпы, Петр ответил словами пророка Иоила: “и будет в последние дни, говорит Бог, излию Духа Моего на всякую плоть”, когда в происшедшем он исповедал наступление “дня Господня великого и страшного”, которого ждал, в который верил каждый правоверный Иудей, это означало, что для христиан Мессия пришел, что все обещания, все ожидания Ветхого Завета исполнены и “мессианское царство” наступило. Это значило, что слава Господня, обещанная Иерусалиму, спустилась на него, и что в Церкви нашла свое завершение ветхозаветная история спасения.

Таков смысл первых глав Деяний, этого пролога церковной истории. Неверующий может сомневаться в их “историчности”. Но и он должен признать, что не была дня, когда христиане не верили бы в это божественное *начало* Церкви и что, сама эта вера есть уже и основоположный факт ее истории, вне которого вряд ли можно понять вся дальнейшее ее развитие.

Часть 2

Маленькая секта внутри иудейства - так поверхностно можно определить положение христиан в Иерусалиме в первые годы. Подобных сект и религиозных партий было не мало в еврействе того времени. Это была эпоха религиозно-политического возбуждения, обострения надежд и ожиданий, связанных с национальной судьбой Израиля, с библейскими пророчествами о конечном торжестве избранного народа. Приближались дни последних восстаний против ненавистного римского владычества, последних попыток “восстановить Израиль” и их трагического эпилога - разрушения Иерусалима. “Не в это ли время, Господи, восстанавлиешь Ты царство Израилеу” - вопрос, с которым обращаются ученики к уходящему Учителю, в эти дни волновал многих, горел в сердце евреев. Но для христиан, - не забудем, что сначала почти все они были евреи - сама их вера была ответом на этот вопрос, потому что в центре ее стояло признание Иисуса Христом, то есть Мессией. И вот, в приведении к Мессии своих братьев по крови они видели свою первую, можно сказать, самоочевидную цель, ибо Он пришел “к погибшим овцам дома Израилева”. Он был распят начальниками народа, но Израиль еще может покаяться и обратиться к своему Спасителю. “Вам принадлежит обетование и детям вашим” - сказал апостол Петр в своей первой же речи евреям и эти слова будут основоположными для всей ранней проповеди. Для первого христианского поколения, почти целиком еврейского по крови, обращение Израиля, которому по словам ап. Павла принадлежат “усыновление и слава и заветы и законоположения и богослужение и обетования” (Рим. 9.4) представляется естественным завершением евангельской истории, исполнением прямого завета Христа, поручившего ученикам начать проповедь о Нем с Иерусалима и Иудеи. И в первые же дни, по рассказу Деяний, действительно обращались очень многие: “и присоединилось в тот день душ около трех тысяч” (2, 41) сказано про Пятидесятницу. Когда, позднее и несмотря на все усилия христиан, наступит второй и окончательный разрыв с иудейством, как с целым, мы увидим как болезненно переживет его Церковь. Но до этого она живет верой в возможное обращение Израиля. И этой верой объясняется тот, кажущийся теперь странным факт, что первая иерусалимская община не только не отделяет себя от иудейства, но и в своей собственной жизни всецело сохраняет еврейский религиозный уклад. Из Деяний мы видим, что Апостолы соблюдают установленные часы молитвы и все ритуальные предписания о пище, что христиане “каждый день единодушно пребывают в храме” (2, 46), что они исполняют закон Моисеев. О том, кого церковная традиция назовет первым иерусалимским епископом, о Иакове, брате Господнем, церковный историк II века Игисипп рассказывает, на основании местного иерусалимского предания, что “он один имел право входить в святая святых, что он имел обыкновение один приходить в Храм и его часто находили на коленях молящимся о прощении народа” (Евсевий, церк. ист. 2, 23). В христианской памяти Иаков остается, как

воплощение иудео-христианства, этой еще неомраченной надежды обратить Израиль ко Христу, как продолжения в христианстве традиционной, ветхозаветной праведности. В рассказе Луки даже первые столкновения с Синедрионом показаны скорее, как эпизоды еще ранее начавшейся богословской борьбы двух партий по вопросу о воскресении мертвых, чем как систематическое преследование христиан иудеями. Напротив, там прямо говорится, что христиане “находились в любви у всего народа” (2, 47). Даже Павел - апостол язычников и борец против крайнего законничества некоторых иудеохристиан, придя в Иерусалим, беспрекословно, по просьбе Иакова и пресвитеров, согласился исполнить обряд ритуального очищения в храме чтобы “узнали все, что и он сам продолжает соблюдать закон” (21, 24). Центр ветхозаветной религии - Иерусалимский храм и для христиан остается местом молитвы, учения, проповеди. Даже тогда, когда эта первоначальная связь с ним будет прервана и начнет развиваться уже самостоятельное христианское богослужение, оно навсегда сохранит печать своего еврейского происхождения, хотя современный православный, может быть, удивится узнав, что его богослужение в своей первооснове почти целиком определено храмом и синагогой.

Итак, вначале мы не видим ни резкого разрыва, ни конфликта с иудейством, а видим, напротив, христиан, продолжающих считать себя органической частью своего народа, а своим призванием - обращение его ко Христу. Не это совсем не значит, как это казалось прежним либерально-релятивистическим историкам, что только позднее, только войдя в греко-римский мир и под его влиянием христианство стало переживаться как нечто радикально-новое, создало свою “оригинальную” форму жизни и организации, вначале же “новое вино” вполне удовлетворялось “ветхими мехами”. На деле этот опыт новизны, опыт радикального переворота, совершившегося в истории мира и в человеческой жизни, составляет самую основную черту ранней христианской общины, как она описана в Деяниях или в посланиях Павла. Нужно только понять, что для иерусалимских христиан сохранение иудейской религиозной традиции, еврейского уклада жизни совсем не есть простой пережиток, от которого они будут освобождаться по мере осмысления своей веры. Напротив, они потому и соблюдают эту традицию, что вся она для них есть как раз свидетельство об истинности их веры. Ведь весь смысл Ветхого Завета был в его направленности к будущему свершению и исполнению обещаний, к грядущему Мессии. Ведь сам Христос всегда Своё дело возвещал, как исполнение Писаний: “Так написано, так подобало... Исследуйте Писания - они свидетельствуют обо Мне”. Старые, привычные слова, древние обряды были теперь освещены новым светом, и в них христиане находили всё новые подтверждения истинности и полноты Нового Завета. И позднее евангелие от Матфея, написанное в иудео-христианской среде, выразит эту основоположную для христиан веру в Ветхий Завет, как пророчество и учение о Христе.

Но поскольку пророчества сбылись, и Церковь есть завершение Ветхого Завета, она, наряду с хранением ветхозаветного учения, воплощает в своей жизни и то новое, что открылось во Христе и чему ветхозаветная религия могла служить только прообразом. Это новое есть, прежде всего, то общество, которое составляют христиане, и которое, несмотря на все связи с традиционной религией, вполне отлично от нее. Новозаветные писания, составленные уже по-гречески, называют его “экклесия” - *церковь*. Этим словом в общественно-политической жизни греко-римского мира обозначалось официальное, правомочное собрание граждан, созданных (этимологически “экклесия” происходит от глагола созывать, призывать) для решения общественных дел, для суверенного волеизъявления. А в греческом переводе Ветхого Завета, (так наз. переводе Семидесяти, сделанном в Александрии в третьем веке до Р. Х.) этот термин приобретает религиозный смысл - собрания народа Божьего, народа, избранного и призванного для служения себе самим Богом. Таким образом, уже одно применение этого слова в Новом Завете к

христианской общине показывает, что с самого начала она осознала себя как Божественное установление, призванное к особому служению. Не просто религиозное братство, не духовное общество, не союз единомышленников, а Эккlesia: собрание перед лицом мира тех, кто призваны составить новый народ Божий, возвестить Его волю, исполнить Его дело. Отсюда и члены этой церкви называют себя “призванными” и “святыми”. Ибо святость в своем первоначальном смысле и есть призвание Божие для служения Ему одному, отделение человека или вещи из сферы “профанной” в “священную”, избрание и посвящение. “Род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, чтобы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный свой свет; некогда не народ, а ныне народ Божий” - вот определение Церкви, которое мы найдем в первом послании Петра (2, 9 - 10).

И такова новизна, такова святость этого общества, что вступление в него уже в Евангелии определено как новое рождение, и совершается через символическое уподобление смерти и воскресению: это *крещение*, то есть литургическое погружение нового христианина в воду, совершаемое в память и образ смерти и воскресения Христа. “Что нам делать?” - спрашивают Петра поверившие в его проповедь в день Пятидесятницы. “Петр же сказал им: покайтесь и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов и получите дар Святого Духа” — “Вот вода, что препятствует мне креститься?” - спрашивает Филиппа эфиопский евнух, услышав благовестие об Иисусе. “Если веруешь от всего сердца, можно”, - отвечает Филипп. Ранняя Церковь живет опытом крещения: к нему призывает и ведет проповедь Евангелия, с ним связана литургическая жизнь общины, он будет содержанием первой христианской живописи, когда на стенах катакомб, в символах и аллегориях, христиане будут снова и снова свидетельствовать о потрясающей силе перерождения, пережитой ими в крещальной воде. Веру в то, что в крещении человек действительно союмирует со Христом, чтобы получить жизнь, воссиявшую из гроба, выразит ап. Павел в послании к Римлянам: “итак мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни... Если же мы умерли со Христом, то веруем, что и жить будем с Ним” (6, 4 - 6, 8).

Крещение вводит в новую жизнь, которая еще “скрыта со Христом в Боге”, в Царство Божие, которое в этом мире есть еще только Царство будущего века. Христос уже царствует, но сейчас это Царство постигается только верой, ведомо лишь тому, кто покался и внутренне переродился. И только когда Христос вернется в славе, чтобы “судить живых и мертвых”, станет оно очевидным для всех. В опыте первохристианства, Церковь есть предвосхищение верой - будущего, грядущего, таинственный рост семени, брошенного в землю и скрытого под ней. “Маранафа!” - “Господь приходит” - в этом торжественном литургическом возгласе выражают христиане и свое ожидание пришествия Христова во славе и свою веру в Его присутствие среди них уже и теперь.

И потому, если в крещении начинается эта новая жизнь, то центральным актом общины, в котором она исповедует свою сущность, как Царства Христа, является “преломление хлеба”, заповеданное ей Самим Христом в ночь Его страданий. Это общая трапеза, по образу той, которую совершил Христос со своими учениками; на ней приносится “евхаристия”, то есть благодарение Богу за жертву Христа, после чего все присутствующие разделяют между собою вино и хлеб, в них становятся причастниками, или участниками Тела и Крови - то есть жизни Самого Христа. Такова изначальная вера христиан, засвидетельствованная всеми, дошедшими до нас памятниками: “в преломлении хлеба” они соединяются с самим Христом, и потому оно есть и вершина и источник той пасхально-победной радости, которой озарено все первохристианство.

“Преломление хлеба” совершается “по домам”, то есть в собрании общины, отличном от пребывания в храме. Особенным же днем евхаристии является “первый день” недели, то есть день, следующий за субботой, в который, по свидетельству Апостолов, воскрес Христос.

Этот день христиане называют днем “Господним” и в нем, быть может, сильнее всего выражается самосознание ранней Церкви, как абсолютно “нового” начала, выводящего христиан за рамки традиционной религии, делающего их по слову Апостола “странниками и пришельцами” в любом отечестве. Для нас воскресный день давно уже отождествился с естественным днем отдыха, с необходимым перерывом в рабочей неделе. Но в течение трех веков - до Константина Великого - священным днем христиан был не день отдыха, а простой рабочий день - не “седьмой”, издавна и людском счете ставший “завершительным”, а “восьмой” или “первый”, как они называли его. И в этом разрыве естественного счета времени, в этом сознательном выходе за пределы седмицы, в которую вписаны, которою определяется человеческая жизнь и история, показывает Церковь, что ее собственная жизнь, протекая в этом мире, уже и “не от мира сего”, а предвосхищает тот вечный день, заря которого занялась в утро первой победы над смертью. “Вы умерли, - сказал ап. Павел, - и ваша жизнь скрыта со Христом в Боге; когда же явится Христос, жизнь ваша, тогда и вы явитесь с ним в славе” (Кол. 3, 3 - 4). Эти удивительные слова тогда понимались буквально: в знакомый и обыденный мир, в “натуральную” человеческую жизнь вошло и в них растет ослепительное сияние иного мира, жизни вечной...

Так маленькая иудейская секта, которую мир почти не заметил при ее появлении, сама себя ощущает как “соль земли и свет миру”, как источник нового света, призванного просветить и спасти людей.

Часть 3

Эту общину часто противопоставляли поздней “организованной” Церкви, Церкви иерархии и авторитета, как некое расплавленное, экстатическое братство, живущее вдохновением и экстазом, не имеющее другого авторитета, кроме “дыхания Духа”. Религия Духа и Религия Авторитета - под эту ложную дилемму, созданную идеалистической историософией девятнадцатого века, хотели подогнать и историю ранней Церкви. На деле же в самом понятии “церковь” (это признают теперь и самые либеральные историки) уже заключена была идея организованного общества и нет ничего более чуждого ранне-христианскому сознанию, чем какое бы то ни было противопоставление духа - форме или свободы - организации. Напротив, смысл Церкви в новозаветной письменности как раз в том и состоит, что Дух Божий наполняет человеческое общество, делая его носителем Божественной жизни, так что все человеческое становится в нем проводником божественного, и все духовное воплощается в человеческом. Человеческое общество становится духовным организмом. Когда ап. Павел называл Церковь Телом Христовым, он только формулирует изначальный христианский опыт, в котором Церковь переживается как единство многих, соединенных новой - позднее скажут - “благодатной” жизнью: “ибо все мы одним Духом крестились в одно тело” (1 Кор. 12, 13). Но именно эта идея организма и предполагает изначальную иерархичность его устройства, соотносительность в нем членов и служений - “если бы все были один член, то где было бы тело?” И, действительно, в самых первых описаниях Церкви мы видим в ней, прежде всего, определенное возглавление, облеченное властью и авторитетом. Это - Двенадцать, та изначальная группа учеников, которую избрал Сам Господь. “Не вы Меня избрали, но Я вас избрал”: в этом избрании их не людьми, а Спасителем, основа их единственного, ни с чем несравнимого авторитета. Через них осуществляется в Церкви власть Самого Господа. Они свидетели Его земной жизни, чудес, смерти и воскресения, и когда проповедуют о Нем, то возвещают то, что сами слышали, что видели, и что осязали. Их свидетельство в Пятидесятнице восполнено Духом Святым - даром истинного его истолкования и осуществления в мире. Им дана власть вязать и решить, власть учить - Духом Святым они “наставлены на всякую истину”, власть созидать Церковь, быть ее “домостроителями”. Поэтому, вступить в Церковь это значит - поверить в

их свидетельство, принять их учение: сама община “постоянно пребывает в учении Апостолов” (Деян. 3, 42). И это значение Двенадцати, как фундамента и средоточия Церкви, так бесспорно, так очевидно для первой общины, что еще до Пятидесятницы первым ее делом будет восполнение их числа: замена Иуды, оказавшегося Предателем. Этим двенадцатым должен быть “один из тех, которые находились с нами во всё время, когда пребывал и обращался с нами Господь Иисус, начиная от крещения Иоаннова до того дня, в который он вознесся от нас, и был вместе с нами свидетелем воскресения Его” (1, 21). И снова избрание мыслится, как избрание самим Господом: “и помолились и сказали: Ты, Господи, Сердцеведец всех, покажи из сих твоих одного, которого Ты избрал принять жребий сего служения и апостольства, от которого отпал Иуда”... - “и выпал жребий Матфею и он сопричислен к одиннадцати Апостолам” (Деян. 1, 24 - 26).

Среди Апостолов автор Деяний выделяет Петра, как выразителя их согласия, как первого во апостольском союзе. Он предлагает Церкви восполнить число апостолов, в первой проповеди объясняет недоумевающей толпе смысл Пятидесятницы, отвечает иудейским правителям на их обвинения, произносит суд над Ананией и Сапфирою, нарушившими своим лукавством единство церковной жизни. Место Петра в ранней общине и среди Апостолов станет позднее предметом споров, и в конечном итоге этот спор разделит христианский Запад от восточного Православия. Что касается Деяний, то в них Петр всегда выступает от имени Апостолов, выражает их общее согласное свидетельство. В восточной традиции он навсегда и останется “первоверховным” Апостолом, но это его первенство будет пониматься не в смысле особой власти над Апостолами и Церковью, а как дар быть выразителем или глашатаем апостольского единогласия, “устами” Двенадцати и Церкви.

Апостолы возглавляют Церковь и управляют ею. Но их первое, основное служение это - “служение Слова”, проповедь о Христе. Поэтому, когда число учеников умножается и возрастают заботы по управлению общиной, Апостолы предлагают избрать для этого особых людей, чтобы двенадцать могли постоянно пребывать “в молитве и служении слова” (Деян. 6, 2 - 4). “И угодно было это предложение всему собранию” и избрали семь человек “их поставили пред Апостолами и сии, помолившись, возложили на них руки”. В избрании Семи - церковное предание назовет их диаконами - дан Лукой основной принцип церковной иерархии и ее будущего развития. Если Апостолы избраны самим Христом, то эти новые служители избираются Церковью, но по инициативе Апостолов и с их санкцией: после избрания совершается особое поставление их чрез возложение рук Апостолов. Апостолы же определяют и условия избрания; нужно, чтобы избранные были “изведаны, исполнены Святого Духа и мудрости”. Так все служения в Церкви, все ее иерархическое устройство укоренено в апостольстве, как в своем начале, а для Церкви это означает - в Самом Христе, потому что Апостолы - Его свидетели, носители Его Духа. Церковь избирает своих служителей, но Сам Бог - руками Апостолов - поставляет их, то есть дает им особый дар Духа для исполнения своего служения.

Миссия Апостолов не ограничивается одной иерусалимской общиной, потому что в их проповеди и учении - основа всякой общины, фундамент Церкви в каждом месте. Очень скоро христианство выйдет за пределы Иерусалима и мы увидим Апостолов обходящими регулярно все вновь созданные общины для их утверждения. Это последнее состоит, прежде всего, в низведении Св. Духа - будущем таинстве миропомазания, которым крещенные вводятся в единство церковной жизни. Так, когда христианская проповедь начинает давать плоды в Самарии, Апостолы посылают туда Петра и Иоанна, “которые, пришедши, помолились о них, чтобы они приняли Духа Святого. Ибо Он не сходил еще ни на одного из них, а только были они крещены во имя Господа Иисуса. Тогда возложили руки на них и они приняли Духа Святого” (Деян. 8, 15 - 17).

Но если служение Апостолов связано со всеми церквами, всех их соединяет между собою в единстве веры и Духа, то в лице своей местной, постоянной иерархии, каждая церковь получает полноту апостольских даров и учения. Очень рано в самой иерусалимской общине, образе и основе всех других церквей, наряду с Апостолами, мы видим авторитет и власть Иакова и пресвитеров, служение которых уже всецело связано с этой общиной, призвано ее сохранять и созидать в апостольском учении. Апостолы уйдут, местная иерархия останется в каждом месте чтобы продолжать их дело, хранить их свидетельство, передавать их дары и в согласии со всеми другими общинами осуществлять единство Церкви, как единого “народа Божьего” собранного всюду для возведения новой жизни. Так с самого начала - в Деяниях Апостольских - нам дан пример и определение того, что позднее будет названо “апостольским преемством”.

Часть 4

Каков же, спросим теперь, положительный идеал жизни этой общины, в чем проявляется эта новая жизнь, которая, как мы видели, подается в крещении, осуществляется в евхаристии, миру проповедуется, как путь спасения?

Лучше всего можно описать этот идеал, как идеал единства в любви. Нам трудно понять и почувствовать до конца именно этот аспект первохристианства, потому что в современном сознании - даже церковном - единство понимается обычно либо отвлеченно, “идеологически”, либо же как ценность прикладная: единство ради чего-то, единство против кого-то... Для ранней же Церкви единство само и есть последняя, величайшая ценность, высший смысл жизни, открытый людям Христом. Церковь есть восстановление единства, нарушенного, разорванного грехом, то есть себялюбием и отпадением от Бога. В ней крещенные - то есть соединенные со Христом и живущие участием в Его жизни через преломление хлеба - воссоединяются с Богом, а в Боге вновь обретают и единство друг с другом.

Как же проявляется оно? Прежде всего в деятельной любви, в которой каждый сознает себя принадлежащим всем и взамен - всех, как принадлежащих ему. Любовь, которою Бог так возлюбил мир, что отдал за него Сына, живет в Церкви и есть главное и первое ее свидетельство о Христе. “Возлюбленные, - скажет Апостол Иоанн на закате своей жизни, - если так возлюбил нас Бог, то и мы должны любить друг друга. Бога никто никогда не видел. Если мы любим Друг друга, то Бог в нас пребывает и любовь Его совершенна в нас” (1 Иоанна 4, 11 - 12). Любовь требует общей жизни, подлинного единства - не только в вере или учении, но и в общении; если теперь единство христиан между собой, увы, большей частью только “символизируется” в богослужебном общении, то в ранней Церкви Литургия увенчивает действительное единство, постоянное общение в повседневной жизни и вне этого общения немыслима. Ни одно слово не повторяется так часто в ранне-христианской письменности, как слово “братья”, но в это братство христиане вкладывают весь его жизненный, деятельный смысл. Оно выражается в единомыслии: “У множества уверовавших было одно сердце и одна душа”. О радости единомыслия - “утешения общей верой” - неизменно напоминает Павел, прося хранить его, прося “снисходить друг другу и прощать взаимно, если кто на кого имеет жалобу: как Христос простил вас, так и вы. Более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства, и да властвует в сердцах ваших мир Божий, к которому вы и призваны в одном теле и будьте дружелюбны”... (Кол. 3, 13 - 15). Оно выражается, далее, в деятельной взаимной поддержке и заботе всех о всех, заботе одинаково материальной и духовной. “Все верующие, - читаем мы в Деяниях, - были вместе и имели всё общее. И продавали имения и всякую собственность и разделяли всем, смотря по нужде каждого... Никто ничего из имения своего не называл своим и не было между ними никого нуждающегося, ибо все, которые владели землями или домами, продавая

их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов, и каждому давалось, в чем кто имел нужду” (2, 44 - 45; 4, 32 - 35). Таким образом в первое время сравнительная малочисленность христиан в Иерусалиме дала возможность радикально осуществить единство жизни в общении имуществ. То, что в наши дни было так неудачно названо “первохристианским коммунизмом” было на деле не результатом какой-либо специфически христианской экономической или социальной теории, а проявлением любви, иными словами, не в общении имуществ как таковом, смысл рассказа Деяний, а в том свидетельстве о новой жизни, всецело преображающей старую, которое проявлялось в этом общении. И уже в посланиях Павла находим мы призыв “каждому уделять по расположению своего сердца”, что указывает на сохранение в других общинах частной собственности. Но максимализм иерусалимской общины - этого братства “нищих”, как назвал их Павел, навсегда останется в христианском сознании как неустранимый пример и завет; как идеал полного преображения жизни, действительного обновления всех человеческих отношений любовью. И почти в каждую эпоху, всё в новых и новых условиях, будет возрождаться в сердцах христиан, пусть иногда очень немногих, стремление воплотить этот идеал первохристианства, сделать Церковь подлинной основой “новой жизни”.

Раннюю Церковь часто изображали равнодушной к миру, постоянно пребывающей в напряженном ожидании конца. Но уже в самом этом идеале любви и новой жизни, воплощенной в церковном обществе, заключено и новое отношение к миру, потому что для христиан эта любовь есть не внутреннее дело Церкви, а сущность ее свидетельства в мире. “Посему узнают все, что вы мои ученики, если будете любовь иметь между собою”. И в Новом Завете, если его внимательно читать, открывается целостное учение о мире и о том, как должны относиться к нему и жить в нем христиане. Нагорная Проповедь, заповеди блаженства, образ милующего и помогающего Христа, будут Церковью возведены миру и останутся идеалом его даже тогда, когда люди отвергнут Церковь. А в посланиях ап. Павла не будут ли всегда искать христиане первичных норм своих отношений к государству, семье, труду, ко всем сторонам человеческой жизни? Нет кажется ни одной, которой не коснулся он в своем пламенном служении братьям. Ожидание конца, молитва о пришествии Христа - всё то, что теперь принято называть “эсхатологизмом”, и к нему одному сводить сознание ранней Церкви, на деле, нельзя, без насилия над исторической правдой, отделить от этого положительного идеала. Грядущее Царство, о котором молятся христиане, неотделимо для них от суда, суд же относится как раз к мере воплощения ими своей веры в жизни, то есть в мире. “Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне” (Мф. 225, 40). Христом Царство Божие вошло в человеческую жизнь, чтобы обновить ее. И если в свете этого Царства “проходит образ мира сего”, то неизбежность конца - как раз и делает служение христиан столь ответственным, а всё в мире целью этого служения. Благая Весть в них обращена ко “всей твари” (Мк. 16, 15).

Вот образ Церкви, оставленный нам самыми ранними памятниками ее. Значит ли это, что в ней не было ни недостатков, ни слабостей? Конечно, нет. О многих из них упоминает автор Деяний. В посланиях Павла целые главы будут посвящены обличению и бичеванию грехов христиан. Но начиная историю Церкви, в которой слишком часто эти грехи и слабости будут так болезненно очевидны, необходимо запомнить и ту “икону Церкви”, тот первый опыт жизни в ней, в которых будут всегда искать христиане исцеления своих болезней, преодоления своих грехов. К этой истории и переводят нас следующие главы Деяний.

Часть 5

Конфликт с иудейскими религиозными властями составляет вторую тему Деяний. Именно он послужит внешним толчком распространению новой веры уже вне иудейства, выведет Церковь на большую дорогу истории.